

Андрей Владиславович Загоруйко¹
azagor@mail.ru

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ 2020 г.)

Статья посвящена изучению населения сельских территорий Приморского края. Сотрудники Центра социальной антропологии РГГУ в рамках проекта «Новые крестьяне России: социоантропологическое и этнокультурное исследование жизненных стратегий современных фермеров» проводили работы в центральных и южных областях Российской Федерации, за три года был накоплен значительный материал и изучены самые разнообразные сегменты современного сельского населения. Тесная связь сельских жителей, будь то фермеры, крестьяне или решившие обосноваться на селе горожане, с конкретной местностью приводит к разнообразию практик и способов адаптации. В каждом регионе есть своя специфика, поэтому в 2020 г. была предпринята попытка сбора информации в Приморском крае. Исследования проводились в районах, соотносимых с основными географическими зонами Приморского края: Уссурийском, Спасском, Надеждинском, Октябрьском, Михайловском (Ханкайская равнина), Яковлевском (Уссури-Ханкайский макросклон Сихотэ-Алиня, центральная часть), Лазовском и Ольгинском (Япономорский склон Сихотэ-Алиня), Дальнереченском (западный склон Сихоте-Алиня, центральная часть). Социальная структура земледельческого региона столь же мозаична, что в целом характерно для всего постсоветского пространства. Переезжающие из города могут вливаться в любую из групп сельского населения (фермеры, экопоселенцы и др.). Однако ситуация переезда не является простой линейной схемой — решил переехать, купил/получил землю, производжу сельхозпродукцию, живу. Практически каждый прошёл сложный путь к своему нынешнему состоянию (которое также является условно устойчивым). Трудно выделить «чистых» горожан и «чистых» жителей села, все сливаются в какую-то аморфно выраженную группу, где люди имеют опыт жизни и в городе, и в деревне. Многие выросли, учились в городе, другие только учились, большинство связано с деревней через близких родственников. Но практически у всех мотивацией для жизни в деревне является психологическая и/или эмоциональная невозможность жить в городе.

Ключевые слова: Приморский край, сельская местность, хозяйство, образ жизни, фермеры, сельхозпроизводители, агрохолдинги.

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Andrey V. Zagorulko²

azagor@mail.ru

RURAL POPULATION OF THE POST-SOVIET PERIOD IN PRIMORSKY REGION (RESEARCH MATERIALS OF 2020)

The article is devoted to the modern population of rural areas of Primorsky Region. The Center for Social Anthropology of the Russian State University for the Humanities, carrying out work on the project “New Peasants of Russia: Socioanthropological and Ethnocultural Research of the Life Strategies of Modern Farmers” conducted research in the central and southern regions of the Russian Federation, over three years significant material was accumulated and a wide variety of segments of the modern rural population were studied. The close connection of the rural population, whether they are farmers, peasants or townspeople who decide to settle in the countryside, with a specific locality leads to a variety of practices and ways of adaptation. Each region has its own features, so in 2020 an attempt was made to collect information in the Primorsky Region. The research was carried out in areas confined to the main geographic zones of Primorsky Territory — in Ussuriysky, Spassky, Nadezhdinsky, Oktyabrsky, Mikhailovsky districts (Khanka Plain), Yakovlevsky district (Ussuriysko-Khankaisky macroslope Sikhote-Alin, central part), Lazovsky and Olginsky (Yaponom Sikhote-Alin), Dalnerechensky region (western slope of Sikhote-Alin, central part). The social structure of the agricultural region is just as mosaic, in general, characteristic of the entire post-Soviet space. Those moving out of town can join any of these groups. Many of these groups interviewed have moved from city to village. However, the situation of moving is not a simple linear scheme — I decided to move, bought / received land, produce agricultural products, live. Almost everyone has gone through a difficult path to the current state (which is also conditionally stable). It is difficult to single out “clean” townspeople and “clean” villagers, all merge into some kind of amorphous group, where people have the experience of life in the city and in the countryside. Many grew up, studied in the city, others just studied, most of them are connected with the village through close relatives.

Keywords: Primorsky Region, countryside, economy, lifestyle, farmers, agricultural producers, agricultural holdings.

ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В АГРАРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Пустеющие сельские территории в последнее время являются одной из актуальных проблем не только в России, но и в других странах мира. Обсуждается она по большей части в трудах экономистов, специалистов по сельскому хозяйству, что вполне естественно, поскольку данная проблема отражает глобальные сдвиги в мировой экономике. Среди представителей гуманитарных наук процессами, происходящими на селе, начали заниматься в основном социологи и историки [2].

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Этнографы и антропологи, как правило, не обращались к изучению глобальных процессов в сельском хозяйстве, ограничиваясь локальными, региональными исследованиями. Первые попытки определить особенности социальной структуры крестьянства, выделить его место в универсальных эволюционных схемах были сделаны Р. Редфордом, проблемами крестьянства и народной экономикой занимался антрополог Э. Вульф [11; 13].

Глобальные процессы так или иначе воздействовали на локальные сообщества, поэтому для полного понимания того, как они отражаются на региональном уровне, всё равно была необходима определённая генерализация, что и привело к появлению новых направлений — аграрной антропологии (Р.М. Неттинг) и антропологии сельского хозяйства (*agricultural anthropology*) (Р. Родс) [10; 12]. Хотя в основном эти направления объединяли прикладные антропологические исследования, касающиеся проектов развития сельских районов и устойчивого сельского хозяйства (*sustainable agriculture*). Если одни специалисты понимают под данным термином ведение хозяйства с максимальным использованием ресурсов при сохранении плодородия и возобновлением экосистемы, то для антрополога это во многом культурный конструкт, предполагающий активное участие всех вовлечённых в этот процесс агентов [9].

Р. Неттинг, с чьим именем, как было указано выше, ассоциируется такое направление, как *аграрная антропология*, отверг однолинейное эволюционистское видение окончательной трансформации традиционного мелкотоварного сельского хозяйства в крупномасштабное промышленное. Он подчёркивал экологичность и практичность, с помощью которых мелкие фермеры, ведущие интенсивное сельское хозяйство, достигают своих целей, часто перенимая современные технологии, продолжая при этом старую практику. Таким образом, они разрабатывают «гибридные технологии», чтобы адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, иначе они не смогут оставаться фермерами. Это также позволяет сохранять их физическую и культурную идентичность, поэтому Р. Неттинг считал, что мелкое сельское хозяйство лучше всего анализировать и оценивать как самобытную «культурную экосистему», чьё развитие исследователь рассматривал с позиций неофункционализма. Он старался не использовать универсалистские идеи, опирался на сравнение местных практик и закономерностей. С другой стороны, Неттинг учитывал ту большую роль, которую рынок играет в жизни мелкого землевладельца. При этом он скептически относился к государственным схемам предоставления прав на землю, вмешательству в работу рынков или влиянию на принятие решений домохозяйствами. По его мнению, улучшения в сельской местности должны в первую очередь затрагивать дорожную систему, сферу образования, а также способствовать расширению рынков [10].

Направление *антропология сельского хозяйства* (*agricultural anthropology*), связанное с именами антрополога Р. Родса и биолога Р. Бута, возникло в начале 1980-х гг., когда Р. Родс был привлечён к работе Международного центра картофеля в Лиме. Он определяет сельскохозяйственную

антропологию так: «сравнительное, холистическое и ограниченное по времени исследование человеческого фактора в сельскохозяйственной деятельности с упором на взаимодействие с окружающей средой, технологию и культуру в местных и глобальных продовольственных системах... его практическая цель состоит в применении этих знаний для повышения эффективности и устойчивости производства продуктов питания.

Сельскохозяйственная антропология рассматривает сельское хозяйство не как простой технический процесс и даже не как технико-экономическую комбинацию, а как сложную человеческую деятельность и эволюционный процесс, который включает в себя одинаково важные социокультурные и идеологические компоненты во взаимодействии друг с другом и с окружающей средой» [12, с. 56—59]. Она шире по охвату, чем другие сельскохозяйственные дисциплины, которые фокусируются на специализированных и ограниченных проблемах аграрной сферы. Родс занимался в основном вопросами сохранения агробιοразнообразия, сравнительным анализом и междисциплинарными исследованиями, вместе с Бутом они предложили модель передачи новых агротехнологий «от фермера к фермеру», предполагающую вовлечённость в этот процесс самих сельхозпроизводителей. Поэтому первоначально название «сельскохозяйственная антропология» ассоциировалось именно с агробιοразнообразием. Дальнейшее изучение специфики деятельности фермеров определило предмет исследования — приусадебное хозяйство. Оно рассматривалось как маленькая модель полноценного земледелия из-за числа сельскохозяйственных культур, пород домашнего скота, птицы, способов рыболовства и других компонентов, которые создают микроклимат в пределах системы земледелия с более высоким уровнем биоразнообразия, чем в окружающей агроэкосистеме.

В СССР и России социологи, историки, занимающиеся проблемами сельского хозяйства, уделяли внимание крестьянству и крестьянской экономике. С точки зрения синтеза этнографии и социологии большую роль сыграл теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», инициированный Т. Шаниным, тогда же зародилось новое направление — *крестьяноведение*, во многом перенявшее исследовательскую традицию *peasant studies* западной социологии и антропологии. Российские учёные опирались на теоретическое наследие своих предшественников — А.В. Чаянова и Н.П. Макарова [4; 5; 7].

Специфика сельского хозяйства, его тесная связь с социумом побудили социологов отойти от «сухих» структуралистских схем и экономических теорий и обратиться к феноменологической методологии, включающей исследование культурных и психологических факторов. Данное изменение означало переход от строго экономических определений крестьянского хозяйства к пониманию того, что это часть образа жизни. Т. Шанин любил цитировать китайского этнографа Фэй Сяотуна: «Крестьяне — это отдельный мир» [4, с. 72—75]. В этом мире не работают законы рыночной экономики, даже несмотря на то, что крестьянин, фермер,

просто житель сельской местности тесно связаны с рынком. Отмечалось также, что крестьянский вопрос не сводится только к аграрному. В конечном итоге большинство исследователей пришло к выводу, что крестьянское сознание и сегодня является матрицей массового сознания в нашем обществе. Из этой идеи логически вытекает любопытная гипотеза о том, что оборотной стороной процесса «раскрестьянивания» явилось «окрестьянивание» страны, распространение крестьянственности на всё социокультурное пространство Российской империи / СССР и превращение России в огромную мегаобшину, существующую по принципам крестьянского мира [7, с. 91]. На основе этого парадоксального утверждения выдвигается множество интерпретаций того, как происходило заселение современной сельской местности. Соответственно, и в социальной антропологии для интерпретации своих материалов использовали социологические методы и теории.

В советский период описание современного состояния сельского населения было обязательным для любого этнографического исследования, хотя разделы о колхозных и совхозных реалиях не всегда соответствовали действительности и отражали в основном идеологические установки.

СИТУАЦИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

В рамках проекта «Новые крестьяне России: социоантропологическое и этнокультурное исследование жизненных стратегий современных фермеров» Центром социальной антропологии РГГУ велась работа в центральных и южных областях Российской Федерации, за три года был накоплен значительный материал, изучены самые разнообразные сегменты современного сельского населения [1].

Тесная связь сельских жителей, будь то фермеры, крестьяне или решившие обосноваться на селе горожане, с конкретной местностью обуславливает разнообразие практик и способов адаптации. Каждый регион имеет свою специфику, поэтому в 2020 г. был предпринят сбор информации в Приморском крае.

Данный регион обладает рядом особенностей, сильно отличающих его от центральной, южной, северо-западной России, где уже проводились исследования. Они касаются прежде всего географического положения, истории заселения и формирования сельского населения.

Специфика заселения и миграционные процессы в Приморье

Территория Приморского (Уссурийского, позже Южно-Уссурийского) края вошла в состав России после подписания Пекинского российско-китайского договора в 1860 г. Земледельческие районы данной территории до прихода русских были заселены в основном китайцами, коренными

народами — гольдами, тазами (тадзы) и др. Земледелие на юге Приморского края развивалось ещё с древности, с раннего железного века, однако из-за различных политических событий и волн завоеваний поля были заброшены. Пришедшая в XVII в. к власти в Китае маньчжурская династия Цин запрещала селиться на своих бывших землях китайцам. Поэтому территория Приморья была покрыта сетью промысловых фанз, которые служили опорными пунктами для отходников из Китая и Кореи, тогда как крупных земледельческих поселений не было. Небольшие китайские поселения располагались в долине р. Уссури и на Приханкайской равнине. Оседанию крестьян также мешали многочисленные шайки хунхузов. Таким образом, земледельческий потенциал новых земель был существенным и учитывался российским правительством.

Первыми, кто начал осваивать земли Южно-Уссурийского края, были казаки и регулярные войска, за ними следовали крестьяне преимущественно из сибирских губерний. Для ускоренного заселения этих территорий был открыт морской путь из Одессы во Владивосток. В 1883—1899 гг. правительство ввело переселение за казённый счёт. Среди переселенцев начали преобладать выходцы из южных губерний, кроме того, были поселенцы из ссыльных и ушедшие в отставку нижние чины. С 1864 г. в Приморье стали переселяться с семьями корейские крестьяне. В то время корейцы были единственными иностранцами, которые получили земельные наделы. При этом шло постепенное вытеснение немногочисленных китайских крестьян. Не натурализованные корейцы и китайцы выступали как основные арендаторы земли в Южном Приморье, поскольку вносили самую высокую арендную плату. Это приводило к тому, что русские крестьяне сдавали свои участки в аренду, а сами занимались извозом или отходничеством. В 1917—1922 гг. приток корейцев в Приморье увеличился. Они занимались выращиванием проса (чумизы) для собственного потребления, ячменя и овса для снабжения русских гарнизонов и постов. В 1911 г. в пяти южных волостях края на долю корейцев приходилось 46,2% посевных площадей, на севере — меньше. Переселенческие потоки резко возросли в связи со строительством Уссурийской железной дороги в 1897 и КВЖД в 1901 г. С одной стороны, введение в строй железной дороги увеличило темпы миграций крестьян из европейской части России, с другой — создало условия для массового возврата новосёлов, которые не смогли устроиться на новом месте. Тем не менее рост населения в крае продолжался.

Уже в дореволюционный период сформировалась миграционная модель освоения земледельческих районов. Крестьяне из южных губерний России селились в основном на степных пространствах Приханкайской низменности, которая напоминала южнорусскую степь. После 1900 г. они начали заселять северные районы края — по р. Уссури, Арсеньевка и Большая Уссурка. Лесные и удалённые районы стали местом проживания выходцев из западных, центральных и северо-восточных губерний, там же селились старообрядцы и молокане из Сибири и Забайкалья.

Причины освоения Приморского края были, прежде всего, политическими (выход к Тихому океану) и экономическими (заселение земледельческих районов и обеспечение продовольствием российского населения на Дальнем Востоке) [3].

Пригодных для земледелия мест на новой территории было немного — в начале XX в. они были почти все заняты. Тогда же сформировалась основа старожильческого населения в сельской местности, этнический состав которого был довольно пёстрым — украинцы, белорусы, русские из европейской части страны, сибиряки, корейцы, староверы, казаки (амурские, забайкальские, позже оренбургские, донские). Социальный состав в каждой из групп также был разнообразным. Среди них были крупные производители, середняки, безземельные батраки, отходники и др. У каждой группы был свой способ использования сельскохозяйственных угодий, на который влиял образ жизни и различные традиции землепользования.

Советское правительство возобновило деятельность по привлечению переселенцев во второй половине 1920-х гг., её цели и характер были теми же, что и в предыдущий период — справиться с перенаселением в центральной части России, продолжить сельскохозяйственное освоение края.

В 30-е гг. на количество и состав сельского населения Приморского края повлияли массовые насильственные переселения: ссылка раскулаченных крестьян на рубеже 20—30-х гг.; выселение из-за проверки паспортов в 1933—1934 гг.; аресты и отправка осуждённых в исправительно-трудовые лагеря; депортация китайцев и корейцев в 1937—1938 гг.; ссылки «неблагонадёжного населения» в 1939 г. (14,1 тыс. чел.) [3].

В конце 40-х и в 50-е гг. возникает новое направление в освоении края — использование природных ресурсов (рыбы, леса, полезных ископаемых). Это отразилось на появлении новых профессиональных сегментов в миграционных потоках — рабочих для промыслов и лесоразработок, шахтёров.

После 1953 г. начали самостоятельно возвращаться корейцы из Средней Азии, они занимались сельскохозяйственным трудом, огородничеством.

Развитие промышленных предприятий в крае и либерализация паспортного режима приводили к тому, что многие крестьяне уходили в леспромхозы и на промыслы, в основном из-за низких заработков на селе. К тому же многие переселенцы имели по две профессии. Эти специальности могли быть применимы как в сельской местности, так и в городе, что способствовало миграции в город.

Из-за того, что климат в Приморском крае мягче по сравнению с остальной частью дальневосточного региона, в 80-е гг. на юг стали массово переселяться люди из других районов Дальнего Востока.

В начале 90-х гг. начался значительный отток населения из Приморья. С другой стороны, в 1990-е гг. в край переезжали люди из мест межнациональных конфликтов. Изменился социальный и этнический состав мигрантов: повысилась доля горожан, увеличилось число людей из Закавказья (армяне и азербайджанцы) и Средней Азии (узбеки, киргизы). Их новыми

местами проживания часто становились те районы, откуда происходил отток старожильческого населения. Началось массовое организованное переселение среднеазиатских корейцев. Организаторами и спонсорами миграции стали общественные организации южнокорейских бизнесменов. В целом переезжавшие корейцы стремились вести ту же деятельность, что и на старом месте проживания, но из-за экономических условий некоторые из них шли в торговлю или вынуждены были заниматься сельским хозяйством [3].

Из Китая приезжали сезонные рабочие и бизнесмены. Китайские крестьяне выращивали овощи в Октябрьском, Пограничном и Партизанском районах. Схема была стандартной: работали они на арендованных землях бывших совхозов и колхозов; приезжали со своей агротехникой, инвентарём, жили в полевых условиях. После 1992 г. число китайских мигрантов в сельской местности стало снижаться, но за счёт приезжающих сезонных рабочих китайцы-арендаторы в Приморье остались. Они по-прежнему играют большую роль в экономике края, как и китайский капитал в целом.

На протяжении XX в. заселение сельских районов Приморского края имело волнообразный характер, снижаясь в период кризисов и политических изменений и увеличиваясь во времена экономической стабильности. Организованный, в некоторые периоды даже мобилизационный характер миграций отразился на дальневосточном менталитете: люди в большинстве случаев рассматривали данный регион как территорию временного пребывания. В советский период в Приморском крае, как и на всём Дальнем Востоке, стратегия выживания была ориентирована на получение помощи от государства в случае малоодоходного занятия и самостоятельные поиски более выгодной работы, обеспечивающей существование.

В настоящее время в Приморском крае наблюдается снижение демографического потенциала. Численность постоянного населения на 1 января 2008 г. составила 1995,8 тыс. человек: городское — 75,4%, сельское — 24,6%. Суммарно с 1992 г., т.е. с начала процесса депопуляции, население сократилось более чем на 295 тыс. человек. За 2007 г. его численность уменьшилась на 23,7 тыс. человек, или на 2%, относительно 2006 г. Сокращение населения определяется двумя основными факторами: естественной (71,4%) и миграционной убылью (28,6%). Средний возраст людей, постоянно проживающих в крае, по состоянию на конец 2005 г. составлял 37,2 года (в 1979 г. — 30,7 года, в 1989 г. — 31,8 года, в 1999 г. — 35 лет), что явно указывает на общее старение населения.

Важной характеристикой общества является его социальная поляризация — разделение на бедных и богатых. В последнее время в результате экономического кризиса и стагнации среднедушевые доходы упали, а социальное расслоение увеличилось [8].

В конце XX в. благодаря развитию континентальных коммуникаций (скорые поезда и авиасообщение) и расширению информационных связей Приморье становится не столь отдалённым регионом, как раньше. Перемещение переселенцев теперь не требует активного участия государства,

поэтому его роль изменилась и в основном сводится к созданию стимулов к переселению в Приморский край и формированию благоприятных условий для жизни.

Местный климат требует от переселенцев хорошего здоровья и физической адаптации. В 1983—1985 гг. 20% реэмигрантов в качестве причины отъезда из южных районов Дальнего Востока называли медицинские противопоказания к проживанию в данной климатической зоне [3].

Другим фактором является относительная географическая изолированность от мест — источников миграции, к которой ещё добавляются политические границы стран СНГ, а также границы с Китаем и Кореей. Проблема транспортных связей решается за счёт дешёвых авиационных и железнодорожных билетов. Но психологически чувство изоляции из-за большого расстояния от центра у приезжих всё равно остаётся.

Особенности ландшафта и климатические условия края

Территория Приморья на три четверти занята горами. Основные крупные физико-географические зоны Приморского края — Сихотэ-Алинская (южная половина) и Восточно-Маньчжурская (восточная окраина) горные области, а также разделяющая их Западно-Приморская равнина. По линии главного водораздела Сихотэ-Алинская горная область делится на Япономорский (восточный и южный) и Уссури-Ханкайский (западный) макросклоны, которые отличаются друг от друга строением рельефа и природно-климатическими факторами. Поперечные хребты и долины рек делят Япономорский макросклон на серию самостоятельных природно-климатических комплексов, обладающих достаточной контрастностью. Южный Сихотэ-Алинь характеризуется сравнительно мягким морским климатом, с точки зрения экономики и инфраструктуры — разветвлённой транспортной сетью и высокой хозяйственной освоенностью.

Уссури-Ханкайский макросклон морфологически подразделяется на Центральный и Западный Сихотэ-Алинь. Западный состоит из отдельных хребтов, разделённых межгорными впадинами и рассечённых широкими поперечными речными долинами р. Уссури, Малиновка, Большая Уссурика, Бикин.

Восточно-Маньчжурское нагорье заходит в пределы Приморского края своей восточной составляющей и делится на три части: Пограничный и Хасанско-Барабашский горные районы, а также Борисовское базальтовое плато. Пограничный и Хасанский горные районы — это типичное низкогорье (холмогорье). Пограничный район представляет собой систему невысоких горных хребтов, которые по направлению к оз. Хасан понижаются, переходя в холмисто-увалистую равнину. Долины большинства водотоков открыты южным и юго-восточным влажным морским ветрам, что и накладывает своеобразный отпечаток на климат, растительность и почвы.

Во внутренней части Западно-Приморской равнинной области, общая площадь которой составляет 20% площади края, находится оз. Ханка.

Вокруг него располагается одноимённая низменность — заболоченные равнинные пространства, разделённые широкими речными долинами. На северном и южном продолжении Ханкайской низменности выделяются Нижне-Бикинская и Раздольненская равнины, образованные долинами крупных рек: Уссури, Бикин, Алчан, Раздольная.

Климатические условия края во многом определяются его географическим положением — на стыке Евразии и Тихого океана. Зимой суша остывает быстро. Над Приморьем устанавливается холодная, но сухая и солнечная погода. Летом земля прогревается быстрее, над ней формируются тёплые воздушные массы. Влажный, менее тёплый воздух со стороны океана и морей устремляется на материк. В первую половину лета из-за того, что вынос воздушных масс идёт с Жёлтого, Японского и Охотского морей, летний муссон несёт с собой мелкие морозящие дожди. Он не обладает большим запасом влаги и оставляет её в основном на прибрежных хребтах и сопках. Во второй половине лета и ранней осенью муссон охватывает всю территорию края и несёт большое количество влаги. В это время идут интенсивные и продолжительные ливневые дожди, нередко сопровождающиеся мощными, пришедшими из тропических районов циклонами-тайфунами. Количество осадков увеличивается в направлении с запада на северо-восток и юго-восток.

Весна в Приморье холодная и продолжается 2—3 месяца. Осень тёплая, сухая, ясная и тихая. Тепло сохраняется особенно долго в прибрежных районах. В начале октября в полном разгаре листопад. В конце октября на севере края, а первой половине ноября — на юге, наблюдается резкое похолодание.

Горно-лесные типы ландшафтов низкогорных территорий широко распространены на западном макросклоне Сихотэ-Алиня, Восточно-Маньчжурском нагорье и в узкой прибрежной полосе Япономорского макросклона. Дифференциация растительных группировок и почвенного покрова соотносима с освоённостью территории. На западе Приханкайской равнины, в зоне перехода к низкогорной Восточно-Маньчжурской территории, преобладают остепнённые широколиственные редколесья и участки освоенных земель на месте бывших широколиственных лесов и редколесий, луговых степей, естественных лугов и порослевых зарослей. Низменно-равнинные и пойменные типы местности с вейниково-осоковыми, осоковыми и крупнотравными болотами на глеево-торфянистых почвах характерны для восточной части Приханкайской низменности, а долинные с ильмовыми и ясеновыми лесами на аллювиальных почвах — для широких долин в нижнем и среднем течении рек. На высоких речных и озёрных террасах распространены разнотравно-злаковые остепнённые луга на лугово-дерновых почвах. Пойменные слоистые и остаточные почвы являются наилучшими по сочетанию свойств и производительной способности; расположенные по долинам рек, они издавна были центрами поселений и земледелия. Как правило, пойменные почвы формируются на аллювиальных отложениях и хорошо дренированы.

Основные пахотные угодья края расположены на пологих склонах и шлейфах увалов, слаборасчленённых равнинах, а также в приозёрной впадине оз. Ханка и долинах рек его бассейна. На экологическое состояние почв влияют освоенность почвенного покрова (прежде всего под пашню), мелиорированность, степень загрязнения, физико-химические свойства.

Пашня занимает 37,8% от площади земель сельскохозяйственного назначения в крае и 50,3% от площади сельскохозяйственных угодий. Важной составляющей также являются кормовые угодья, занимающие 33,1% площади земель сельскохозяйственного назначения, или 44% всех сельскохозяйственных угодий. По данным Управления статистики сельского хозяйства и окружающей природной среды на 20.08.2019 г., площадь посевов сельскохозяйственных культур под урожай 2019 г. в хозяйствах всех категорий увеличилась по сравнению с прошлым годом на 0,02% (0,1 тыс. га). Это обусловлено увеличением посевных площадей зерновых культур на 4,2 тыс. га, технических культур — на 0,4 тыс. га, овощей — на 0,1 тыс. га, чистых паров — на 0,1 тыс. га. При этом наблюдается сокращение посадок картофеля на 1 тыс. га и кормовых культур — на 3,7 тыс. га. Зерновые культуры занимают 21,39% посевной площади края, 65,46% занято посевами сои, 7,08% находится под посевами кормовых культур. Посевы сои возросли на 95,2 тыс. га, или на 43,6%, на 5,1% выросли площади посевов овощей. Сокращение посевных площадей наблюдается под зерновыми культурами на 9%, под картофелем — на 16,1%.

Ведущую роль в структуре посевных площадей Приморского края в последние годы занимает соя. Семена сои — ценное дешёвое сырьё, воспроизводимое при сравнительно низких затратах труда, и более транспортабельное, чем многие другие виды продукции растительного происхождения. Также соя полезна в повышении плодородия почвы. Рентабельность её производства значительно выше, чем у других сельскохозяйственных культур. В основных сельскохозяйственных районах Приморского края, возделывающих сою, распространены почвы с маломощным гумусовым горизонтом, бедные органическими веществами, с плохими физическими свойствами и повышенной кислотностью. В отличие от других культур, соя выступает не только как потребитель азота и ряда прочих питательных веществ, но и как его накопитель — за счёт фиксации из атмосферы. Она также способствует размножению свободно действующих азотфиксаторов в корнеобитаемом слое почвы. На протяжении многих лет увеличение производства сои в Приморском крае происходило посредством расширения посевных площадей, в последнее же десятилетие — путём уменьшения посевов других сельскохозяйственных культур. Существенным недостатком в соеводстве является отсутствие комплексной механизации. Основная и предпосевная обработка почвы под сою производится теми же машинами, что и под зерновые, а они не обеспечивают регулярного рыхления почвы, и при этом не достигается достаточная глубина и удовлетворительное качество пашни.

Край располагает значительными ресурсами естественных кормовых угодий. Главным источником формирования кормовых ресурсов являются посевные кормовые культуры, многолетние, однолетние травы, естественные сенокосы и пастбища.

Однако к середине 1990-х гг. во многих хозяйствах севообороты были прекращены либо сведены до самых примитивных форм. Это стало следствием, с одной стороны, кризиса управления в сельском хозяйстве, а с другой — попытки соответствовать требованиям рынка (в посевах удерживаются культуры, на которые имеется высокий спрос). Из-за увеличения площади залежных участков и недостатка удобрений возродился перелог — распашка таких земель в течение 2—3 лет с тем, чтобы потом вновь их оставить в залежь. Ещё ранее были прекращены правильные пастбище- и сенокосообороты, соблюдение которых и так часто нарушалось.

В целом в Приморье эффективность мелиорирования земель низкая. Основная причина — недостаточная разработка научно обоснованных приёмов мелиорации, игнорирование специфики погодных условий и свойств подлежащих освоению почв региона. Земли Приморского края относятся к эрозионно опасным. Сельскохозяйственные угодья расположены главным образом в горно-долинных районах, в поймах разветвлённой сети рек, где почвы подвержены интенсивному речному размыву с образованием оврагов.

Значительные площади сельхозугодий не могут быть использованы в хозяйстве по разным причинам: зарастание кустарником и лесом (165,3 тыс. га), заболачивание (194 тыс. га). Не более чем балластом можно считать каменистые земли (51,4 тыс. га). Падает урожайность сельскохозяйственных культур из-за уменьшения запасов гумуса, отмечающегося на площади 314,4 тыс. га. Площадь мелиорированных земель на 1 января 2005 г. в Приморском крае составила около 240,8 тыс. га, орошаемых земель — около 94 тыс. га [6].

Одной из причин низкой урожайности является нестабильность сельскохозяйственного производства, связанная с гибелью посевов от периодически повторяющихся наводнений, почти ежегодным переувлажнением почв во второй половине лета и их большим эрозионным смывом. Для рек Приморского края характерен паводочный режим на протяжении всего периода открытого русла: дождевые паводки могут наблюдаться в любое время в период с апреля по октябрь, но чаще всего они бывают в июле — сентябре. Интенсивность дождей за сравнительно длительные интервалы времени, пересечённый рельеф и большие уклоны водосборных площадей и русел в зонах формирования стока обуславливают быстрое возникновение паводков в бассейнах рек. Паводки часто достигают значительной высоты и в результате подъёма уровня воды в реке вызывают наводнения — затопления водой сельскохозяйственных угодий, населённых пунктов и промышленных предприятий, расположенных выше поймы

в пределах речной долины. Общая площадь затопления при катастрофических наводнениях достигает 11 тыс. кв. км, что составляет 6% всей площади Приморского края, или около 30% его равнинной части.

Большинство наводнений в южных и юго-восточных районах Приморья обусловлено выпадением дождевых осадков от юго-западных циклонов и тропических тайфунов, которые перемещаются с Жёлтого моря в Японское. В западных же и северных районах края (Западно-Приморская равнина, бассейны Б. Уссурки и Бикина) наводнения обычно вызываются воздействием западных циклонов.

Защита сельскохозяйственных угодий от затопления в крае осуществляется путём возведения дамб в составе мелиоративных систем. Общая протяжённость оградительных таких дамб на 1989 г. составляла 1200 км. Однако в последнее время их строительство было сокращено.

Основные направления сельскохозяйственной деятельности

На земледельческих территориях края наиболее значительные площади угодий для производства сельскохозяйственной продукции предоставлены: личным подсобным хозяйствам — 76,6 тыс. га (11,7% всех используемых гражданами для этих целей земель); крестьянским (фермерским) хозяйствам — 100,7 тыс. га (15,5%); животноводческими хозяйствами — 5,1 тыс. га (0,8%); для сенокоса и выпаса скота — 17,6 тыс. га (2,7%) [6].

Крестьянские (фермерские) хозяйства осуществляли свою деятельность на землях, находящихся у них в собственности, площадью 32,7 тыс. га (32,4%), доля арендованных государственных и муниципальных земель составила 57,8 тыс. га (57,3%), находящихся в пожизненном наследуемом владении — 1,6 тыс. га (3%). В Приморском крае насчитывалось 1926 крестьянских (фермерских) хозяйств, общая площадь которых равнялась 100,7 тыс. га, включая хозяйства в составе ассоциаций, созданных на базе бывших колхозов.

Исследования Центра социальной антропологии РГГУ проводились в районах, приуроченных к основным географическим зонам Приморского края: в Уссурийском, Спасском, Надеждинском, Октябрьском, Михайловском (Ханкайская равнина), Яковлевском (Уссури-Ханкайский макросклон Сихотэ-Алиня, центральная часть), Лазовском и Ольгинском (Япономорский склон Сихотэ-Алиня), Дальнереченском (западный склон Сихотэ-Алиня, центральная часть).

Ханкайская равнина — наиболее освоенная с точки зрения земледелия и животноводства территория — по природным условиям подходит для разных отраслей сельского хозяйства. Хотя в определённые периоды она подвержена наводнениям, ситуация с которыми осложнилась в последние пять лет.

Самым крупным городом, расположенным на данной территории, является Уссурийск — сельскохозяйственная столица Приморья. Ханкайская равнина — одна из наиболее заселённых областей Приморского края,

все вышеупомянутые волны поселенцев-земледельцев исторически оседали прежде всего именно там. Заселению способствует не только равнинный рельеф, но и наличие оживлённых транспортных магистралей, соединяющих города и крупные посёлки края. Кроме того, относительно хорошие магистральные дороги и транспортные потоки обеспечивают циркуляцию населения и информации. Распространение городской одноэтажной застройки Уссурийска, являющегося местом работы для многих сельских жителей, создаёт единое пространство, в котором размыта чёткая граница между городом и деревней. Часто встречаются горожане, переехавшие в деревню, в основном это пенсионеры или люди пожилого возраста. В условиях интенсификации связей города и деревни они легко инкорпорируются в сельское сообщество.

В настоящее время значительные площади пашни не используются, но не являются ничейными, каждый участок имеет хозяина. По сообщениям респондентов, в основном все участки разобраны мелкими собственниками, которые в большинстве своём не собираются их обрабатывать, рассматривая лишь в качестве вложения капитала. Тот факт, что основной земледельческий регион разделён на мелкие участки, препятствует активному проникновению на территорию края крупных агрохолдингов типа «Русагро», которым не выгодно скупать землю у отдельных собственников.

Ханкайская равнина предоставляет широкие возможности для агроразнообразия (овощеводство, выращивание зерновых и бобовых культур, садоводство, животноводство, возделывание бахчевых культур), поэтому у сельхозпроизводителей есть выбор в случае радикальных изменений, вызванных политическими, природными или экономическими причинами. Некоторые просто выращивают сено на продажу.

Приведём пример, иллюстрирующий вышесказанное. В с. Староселье два участка, принадлежащие местным фермерам, практически не обрабатываются — по словам респондентов, из-за недостатка средств. Поля вокруг этой деревни вообще представляют собой любопытную мозаику, иллюстрирующую общую ситуацию в самом земледельческом районе Приморского края. В окрестностях села определённую площадь арендует китаец, имеющий довольно тесные деловые связи с местными жителями, рядом находятся поля местных фермеров, поля сельхозпредприятия, выращивающего сою для экспорта в Китай, а при въезде — арендованная молодыми предпринимателями из Уссурийска земля для выращивания ремонтантной клубники. Между этими полями расположились мелкие участки местных жителей, а также земли, выделенные под дальневосточный гектар.

Из перечисленных выше угодий использовались поле китайца (хотя его производственный цикл был нарушен в связи с запретом въезда на территорию Приморского края сезонных рабочих из КНР, сам арендатор привлекал местных жителей), а также участок сельхозпредприятия,

занимавшегося выращиванием сои. Несмотря на то, что сама организация расположена в крупном селе Покровка, его владельца хорошо знали в Староселье. Кроме того, использовался и участок, арендованный молодыми предпринимателями для выращивания клубники. На нём возвели 8 теплиц, которые из-за своего модернизированного вида смотрелись чужеродным сооружением, даже по сравнению с бараками китайца. Сами предприниматели жили в городе и связей в деревне не имели. Остальные участки не обрабатывались, однако их владельцы выражали надежду в будущем их возделывать [14].

Социальная структура Уссури-Ханкайского земледельческого региона мозаична, и в целом характерна для всего постсоветского пространства. Её разнообразие обусловлено слабым проникновением на территорию Приморья агрохолдингов. В данном районе есть средние сельхозпредприниматели, например СХПК «Искра» со штатом наёмных рабочих около 60 человек; фермеры с наёмными рабочими; семейные фермерские хозяйства; большое количество сельских жителей, не подходящих под определение фермеров, но живущих на селе и занимающих определённую экономическую нишу — строительные, транспортные работы, эксплуатация лесных ресурсов; приезжие горожане — пенсионеры, ведущие приусадебное хозяйство; различного рода предприниматели — хозяева усадеб, занимающиеся несельскохозяйственной деятельностью (туризм, отдых, охота и т.д.) [14].

В данном регионе пашни и поселения расположены в долинах рек и их притоков. Как было отмечено, в последние годы они часто страдают от наводнений. На их последствия жаловались все респонденты Приморья, но на территории Ханкайской равнины они более ощутимы, что отражается на развитии одной из основных отраслей сельского хозяйства — овощеводстве. Крупным производителям (от 100 и более га) стало не выгодно заниматься выращиванием овощей (хотя, конечно, основная причина — дешёвые овощи из Китая). Даже корейцы, обладающие и мотивацией, и необходимым опытом, отказываются от крупных овощеводческих хозяйств.

С мелкими производителями ситуация несколько иная: конечно, многие тоже страдают от разливов рек, но там, где участки не подвержены наводнениям, возделывание овощей осуществляется вполне успешно, хотя их промышленная реализация весьма ограничена. К мелким производителям можно отнести приусадебные участки и частично некоторых овощеводов, взявших дальневосточный гектар.

Другой район Приморского края — Япономорский склон Сихотэ-Алиня — не столь богат земельными угодьями. Основное сельскохозяйственное направление здесь — животноводство, молочное или мясо-молочное. Это во многом обусловлено природными условиями: небольшим количеством пригодной для земледелия земли, каменистой почвой. Хотя на приусадебных участках можно выращивать что угодно.

Например, в с. Бенеvском (Лазовский район) в советский период существовал животноводческий колхоз-миллионер, живший за счёт поставок сельскохозяйственной продукции военным частям. Но в 1990-х гг. из-за ухудшения экономической ситуации и потери основного рынка сбыта колхоз прекратил своё существование. В настоящее время животноводством занимаются несколько фермеров — как местные жители, так и приезжие.

Закрытие колхоза привело к тому, что привыкшие работать там местные жители не хотят связываться с ведением самостоятельного хозяйства, предпочитая устраиваться в бюджетные организации или занимаясь транспортными услугами, земельными работами (в зависимости от вида личной техники) и сбором дикоросов и шишек [14].

Похожая экономическая стратегия характерна не только для этого района. В сёлах Ханкайской равнины некоторые респонденты не исключают возможности организовать самостоятельное хозяйство, что объясняется большим набором направлений. Однако здесь создание и стабильное ведение малого животноводческого хозяйства требует значительного начального капитала и государственной поддержки. Молодых фермеров мало, в основном это пожилые люди, пенсионеры, имеющие опыт в данной отрасли, даже если когда-то они приехали в Приморский край и создавали начальный капитал совсем в другой сфере. Люди этого поколения привыкли упорно и тяжело работать, не доверяют банковским кредитам и видят решение проблемы развития отрасли (животноводства) в данном районе в целенаправленной помощи государства. В хозяйстве работают они сами и наёмные рабочие из местных жителей. Дети живут в городах, продолжать дело родителей в данный момент не собираются [14]. Вряд ли такое хозяйство можно рассматривать как семейную ферму, но и сельхозпредприятием оно не является, поскольку фермер занимается не только организацией производства, но и сам работает в поле. При этом ситуация в животноводстве Приморского края осложняется недавними эпизоотиями — африканской свиной чумой и яшуром.

Одним из значимых видов деятельности населения отрогов Сихотэ-Алиня является сбор дикоросов и даров тайги. Ещё на первых этапах освоения Дальневосточного края, в начале XX в., администрация была озабочена тем, что многие поселенцы сдавали свои поля в аренду корейцам, а сами занимались отхожими промыслами, охотой и рыболовством. Активное использование лесных ресурсов продолжается и сегодня, лес во многом служит альтернативой для населения, не занимающегося самостоятельной сельскохозяйственной деятельностью. Лес не только представляет собой «ресурс кризиса» (собирательство, охота и т.д.), он также обеспечивает занятие, которое может принести доход и составить основу начального капитала (торговля лесом, сбор шишек и т.д.). В советский период существовала система реализации продукции такого рода в городах (магазины «Дары тайги»). Но сейчас она разрушилась, китайские скупщики

в последнее время сконцентрировались на шишках. Недостатки в организации предприятий данной отрасли приводят к хищническому использованию лесных ресурсов, что, в свою очередь, вызывает санкции природоохранных органов.

Другая особенность Приморского края — открытый доступ к морскому побережью. Влияние отраслей, связанных с морем, заметнее в Ольгинском и Лазовском районах; в пгт Преображение расположена база тралового флота. К настоящему времени рыболовство находится в упадке, но тем не менее существует, и наряду с марикультурой составляет основу экономики прибрежных поселений.

Доступ к морскому побережью и к оборудованным портам позволяет беспрепятственно осуществлять вывоз продукции. В зависимости от экономической ситуации к данной возможности обращались с разной степенью активности. По словам респондента, этот потенциал региона пытались использовать для вывоза не только леса, но и другой продукции (например, мёда в районы Крайнего Севера), но из-за недостатка организованности и средств данный проект осуществлён не был [14]. Таким образом, с одной стороны, Ольгинский и Лазовский районы относительно изолированы от основных сухопутных транспортных магистралей, с другой — открыты для морских коммуникаций. Удалённость от административного центра Приморья осложняет взаимодействие с краевой администрацией, в руках которой находятся все стимулирующие финансовые рычаги — гранты, субсидии и т.п., но открытость к морю даёт потенциал экономического роста. Лесные, морские ресурсы и возможность сбыта продукции через порты на морском побережье предоставляют местному населению альтернативы сельскохозяйственного труда. Ограниченный набор направлений с/х производства (плохие условия для овощеводства и выращивания зерновых в промышленных масштабах) компенсируется близостью тайги и моря, возможностью выбора вида деятельности. Это отличает данные районы от территорий Ханкайской равнины, где альтернативы предоставляет само сельскохозяйственное производство.

Дальнереченский район — расположен на территории Уссури-Ханкайского макросклона (западный Сихотэ-Алинь). То, что район приурочен к долине р. Уссури и частично расположен вдоль главной транспортной магистрали края, определило основное направление сельскохозяйственной деятельности — земледелие. Действительно, в районе много полей сои и кукурузы, его восточная часть занимает западные отроги Сихотэ-Алиня, что влияет на занятия местного населения, связанные с использованием лесных ресурсов. Другая особенность — близость Китая — облегчает сбыт сельхозпродукции, леса, шишек и другого сырья.

Несмотря на то, что район расположен на основной транспортной магистрали Владивосток — Хабаровск, удалённость от административного центра сказывается на состоянии инфраструктуры, здесь не так, как в Уссурийском районе, ощущается связь сельского населения с городами.

Хотя с точки зрения разнообразия социальных групп они похожи: крупные сельхозпроизводители (ООО «Княжевское»), фермеры, сельские жители, не ведущие самостоятельного хозяйства, работающие по найму, активно использующие лесные ресурсы (сбор шишек) [14].

Крупное сельхозпроизводство связано, как и во всём Приморье, с выращиванием сои и кукурузы, которые затем продают в Китай. ООО «Княжевское» арендует муниципальную землю, нанимает рабочих, обеспечивает их техникой. В отличие от СХПК «Искра» в Покровке (Октябрьский район), где головное предприятие располагается в одном месте, «Княжевское» зарегистрировано в г. Находка. Возможно, эта особенность объясняется тем, что СХПК «Искра» сформировался на базе бывшего совхоза, работники которого могли распоряжаться своими земельными паями. В Дальнереченском районе бывшие земли совхозов принадлежат муниципальным органам, производители их арендуют [14].

Близость к тайге создаёт для сельского населения те же возможности, что и для жителей Лазовского района, — сбор шишек, дикоросов. Также развивается торговля лесом. Благодаря соседству с Китаем проблемы со сбытом этой продукции не возникает. Для многих жителей сбором шишек заниматься выгоднее, чем сельским хозяйством. В районе имеются частные рыбоводческие хозяйства: по сути, взятый в собственность участок с прудом в большинстве случаев используется как место рыбалки и отдыха [14].

Также в Дальнереченском районе действуют в основном малые семейные фермы, занимающиеся выращиванием овощей. Некогда были животноводческие хозяйства, но из-за ситуации с африканской свиной чумой и отсутствия государственной поддержки их число сильно сократилось. Выращиванием сои и кукурузы занимаются относительно крупные предприятия. В целом ситуация сравнима с Ханкайской равниной, учитывая специфику географического положения, близость тайги и удалённость от административного центра.

ВЫВОДЫ

В зависимости от географического положения каждый район имеет свои особенности: равнинные более разнообразны с точки зрения выбора сельскохозяйственной деятельности, горные и прибрежные дают возможность дополнительного заработка, помимо земледелия. Но если на равнине возможны крупные хозяйства, ориентированные на экспорт сои и кукурузы, то в горных районах распространены в основном мелкие животноводческие фермы. Население, не занятое или частично занятое в сельском производстве, представляет несколько аморфную группу, ориентированную либо на оказание различного рода услуг, либо на использование природных ресурсов.

В целом большинство населения надеется на помощь государства: люди старшего поколения — на прямые вливания в сельское хозяйство, те, кто моложе, — на гибкую систему дотаций. Многие отмечают трудности с поддержкой, сбытом продукции и вообще неудовлетворительное государственное регулирование. Эти же проблемы удерживают часть сельского населения от непосредственной занятости в сельхозпроизводстве. Переезжающие из города могут влиться в любую из этих групп. Однако ситуация переезда не является простой линейной схемой — решил переехать, купил/получил землю, произвожу сельхозпродукцию, живу. Практически каждый прошёл сложный путь. Трудно даже выделить «чистых» горожан и «чистых» жителей села: люди имеют опыт жизни и в городе, и в деревне. Многие выросли, учились в городе, другие только учились, большинство связано с деревней через близких родственников. Но практически у всех мотивацией для жизни в деревне является психологическая и/или эмоциональная невозможность жить в городе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмова О.Ю. О проекте «Новые крестьяне России: социоантропологическое и этнокультурное исследование жизненных стратегий современных фермеров» // Новые российские гуманитарные исследования. 2018. № 13. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2030/> (дата обращения: 20.12.2020).
2. Бабашкин В.В. Крестьяноведение и история аграрных отношений в России // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 327—335.
3. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
4. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
5. Макаров Н.П. Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства (Публикация статьи Н.П. Макарова по поводу книги Л.Н. Литошенко) // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 27—33.
6. Назарова А.А., Чернышова Т.Е. Современное состояние земель сельскохозяйственного назначения в Приморском крае // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплекса: материалы нац. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 405—408.
7. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Круглый стол // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 68—91.
8. Храмова М.Н. Тенденции и динамика демографических процессов в Приморском крае // Вестник ТГЭУ. 2011. № 2. С. 3—18.
9. Cleveland D.A. Balancing on a Planet: Toward an Agricultural Anthropology for the Twenty-First Century // Human Ecology. 1998. No. 26 (2). P. 12—45.
10. Netting R.M., Stone G.D., Stone M.P. Agricultural Expansion, Intensification, and Market Participation among the Kofyar, Jos Plateau, Nigeria // Population Growth and Agricultural Change in Africa. Gainesville: University of Florida Press, 1993. P. 207—249.
11. Redfield R. The Folk Society and Culture // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 45. No. 5. P. 731—742.

12. Rhoades R.E. *Breaking New Ground: Agricultural Anthropology*. Lima, Peru: International Potato Center, 1984. 71 p.
13. Wolf E.R. *Peasants*. New Jersey: Prentice-Hall Inc., 1966. 116 p.
14. Загоруйко А.В. Полевые материалы автора. Приморский край, 2020.

REFERENCES

1. Artemova O.Yu. O proekte «Novye krest'yane Rossii: sotsioantropologicheskoe i etnokul'turnoe issledovanie zhiznennykh strategiy sovremennykh fermerov» [About the Project “New Peasants of Russia: Socio-Anthropological and Ethnocultural Research of the Life Strategies of Modern Farmers”]. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya*, 2018, no. 3. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/2030/> (accessed 20.12.2020). (In Russ.)
2. Babashkin V.V. Krest'yanovedenie i istoriya agrarnykh otnosheniy v Rossii [Peasant Studies and the History of Agrarian Relations in Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, vol. 86, no. 4, pp. 327–335. (In Russ.)
3. Vashchuk A.S., Chernolutskaya E.N., Koroleva V.A., Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'ye v XX veke* [Ethnomigration Processes in Primorye in the 20th Century]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2002, 228 p. (In Russ.)
4. *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire* [The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World]. Ed. by A.V. Gordon. Moscow, Progress – Progress-Akademiya Publ., 1992, 432 p. (In Russ.)
5. Makarov N.P. Progress ili evolyutsiya krest'yanskogo khozyaystva (Publikatsiya stat'i N.P. Makarova po povodu knigi L.N. Litoshenko) [Progress or Evolution of the Peasant Economy (Publication of an Article by N.P. Makarov about the Book by L.N. Litoshenko)]. *Krest'yanovedenie*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 27–33. (In Russ.)
6. Nazarova A.A., Chernyshova T.E. Sovremennoe sostoyanie zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya v Primorskom krae [The Current State of Agricultural Land in the Primorsky Territory]. *Dal'niy Vostok: problemy razvitiya arkhitekturno-stroitel'nogo i dorozhno-transportnogo kompleksa: materialy nats. nauch.-prakt. konf.* [Far East: Problems of Architect-Construction and Road-Transport Complexes: Materials of the National Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2019, pp. 405–408. (In Russ.)
7. Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke. Kruglyy stol [Modern Peasant Studies and Agrarian History of Russia in the 20th Century. Round Table]. *Krest'yanovedenie*, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 68–91. (In Russ.)
8. Khranova M.N. Tendentsii i dinamika demograficheskikh protsessov v Primorskom krae [Trends and Dynamics of Demographic Processes in the Primorsky Territory]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2011, no. 2, pp. 3–18. (In Russ.)
9. Cleveland D.A. Balancing on a Planet: Toward an Agricultural Anthropology for the Twenty-First Century. *Human Ecology*, 1998, no. 26 (2), pp.12–45. (In Eng.)
10. Netting R.M., Stone G.D., Stone M.P. Agricultural Expansion, Intensification, and Market Participation among the Kofyar, Jos Plateau, Nigeria. *Population Growth and Agricultural Change in Africa*. Gainesville, University of Florida Press Publ., 1993, pp. 207–249. (In Eng.)
11. Redfield R. The Folk Society and Culture. *American Journal of Sociology*, 1940, vol. 45, no. 5, pp. 731–742. (In Eng.)
12. Rhoades R.E. *Breaking New Ground: Agricultural Anthropology*. Lima, Peru, International Potato Center Publ., 1984, 71 p. (In Eng.)
13. Wolf E.R. *Peasants*. New Jersey, Prentice-Hall Inc. Publ., 1966, 116 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 11.05.2021